

Б.М. Лепешко

*д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина*

НОСТАЛЬГИЯ ПО ФИЛОСОФИИ

В статье ставится вопрос о возможности «ренессансного» мышления по отношению к классическим формам философского знания. Анализируются некоторые аспекты современного состояния философской науки в историческом, мировоззренческом, теоретико-познавательном аспектах. Рассматриваются возможности формирования классического типа философствования на основе современных достижений гуманитарной мысли в целом.

О ностальгии по философии говорить можно – предварительно – в трёх аспектах. Первый связан с эпохой, нашим отношением к ценностям. Здесь сегодня господствует прагматизм, призывы к креативности, стремление достичь практических результатов. На этом фоне вопросы метафизики не просто теряют актуальность – они не востребованы обществом, достаточно чутко реагирующем на ту или иную систему приоритетов. Нам известны многочисленные заявления сильных мира сего, в которых лейтмотивом звучит одна мысль: «Наука тогда чего-либо стоит, когда у неё есть практическая составляющая». Здесь, конечно, возникает масса вопросов, поскольку с ходу отыскать «практическую составляющую» у того же Сократа, А. Камю или М. Хайдеггера достаточно сложно. Однако потребность в людях масштаба Конфуция или Аристотеля ощущается столь же явственно, как это было сотни, тысячи лет тому назад. Поэтому и возникает ностальгия по мудрецам, специалистам в сфере метафизики, которые не просто «сидят в бочке», а пытаются предложить людям, обществу некие новые максимы жизни, социального и личного поведения.

Второй аспект связан собственно с развитием философского знания, общеизвестной популярностью тех теоретических концепций (парадигм знания), в которых осуществлён поворот от классических форм мышления к формам неклассическим и постнеклассическим. Нельзя сказать, что имеет место «ностальгия по классике», поскольку многие представители неклассических точек зрения как раз подчёркивают сугубую рациональность своих теорий, в целом дистанцируясь от иррациональных подходов и подчёркивая преемственность с классическими умопостроениями. Ностальгия имеет место, скорее, по ясному и недвусмысленному определению истины, такому определению, в котором глубина и прозрачность выражения нисколько не противоречат их многообразным интерпретациям. Наиболее ярко в последнее время эту точку зрения выразил Ю. Хабермас, призывающий «отказаться от поиска абсолютных истин и больше не стремиться обосновывать сущность или природу вещей. Мы должны заменить поиски истины и стремление к познанию риторической практикой, которая ориентирована не столько на избыточные идеи, сколько на ощутимые последствия мысли. Только если ясно видна бесполезность онтологического различения между сущностью и явлением, бессмысленность эпистемологического различения между бытием и кажимостью, избыточность семантического различения между истинным и ложным, только тогда философская работа может ориентироваться на такие практические цели, как «повышение производительности» и «толерантность» [1, с. 15–16]. А если всё же существует ностальгия по «абсолютным истинам»? Скажем, таким, которые П. Сорокин определял термином «идеациональное»? Смысл «идеационального» прост: это такие формы общежития, такие общественные идеалы, такие нормы, которые устанавливаются Абсолютом.

Именно на этом основании нормы идеационального закона, например, «не направлены на увеличение чувственного счастья, удовольствия или полезности. Их нужно беспрекословно выполнять, как заповеди всеведущего и сверхсправедливого Абсолюта» [2, с. 495]. Речь в данном случае не об оценке конкретных тезисов крупнейшего русского мыслителя, а о принципе – важности абсолютных истин.

Почти вся национальная философская традиция основывалась на поиске таких принципов. Здесь и Вечная Женственность, и Богочеловечество, и абсолютная идея (в духе развития известных идей немецкой философии), свобода, и религиозный компонент в виде «новой морали», и даже «бородатые Венеры древности» как прообраз доминирующего сексуального фактора («материнского»), основного в рамках развития социума. Почему имеет смысл обратить на это внимание? Да просто потому, что дезавуирование абсолютных истин (всё равно, как их определить и каких именно) означает утрату фундамента существования человека, утрату тех оснований личного существования, которые и придают жизни смысл. Даже если это абсурд, как у А. Камю. Очевидно, выход не в том, чтобы найти нечто фундаментальное «за пределами» человека, сколько в самом факте существования таких явлений.

Если попробовать «приземлить» это положение применительно к характеру и сущности развития белорусского социума, то обнаружим, что черты национального характера не проявляются и не закрепляются в форме моральных, философских максим самопроизвольно, сами по себе. Например, известная толерантность есть следствие не только многовекового давления на общество, уничтожения национальных пассионарных личностей, но и существования достаточно определённых представлений о должном, закреплённых на уровне религиозного, прежде всего, сознания. Категория «толелерантность» – это ведь не только ментальная характеристика, это базовое положение при попытке осмыслить себя, своё место в мире. Причём что здесь «во-первых», а что «во-вторых», вопрос спорный, точнее, диалектический. Вообще говоря, одна из причин, связанных с достаточно противоречивым развитием белорусского общества, как раз и заключается в том, что базовые принципы существования если и имели место, то в виде либо религиозных, либо нравственных идеалов. Между тем всегда ощущалась потребность в формировании идеалов правового характера и, главное, характера философского. Ведь нельзя же принять за такой базовый философский принцип, например, категорию «промежуточность», которую достаточно активно «продвигают» некоторые белорусские специалисты. Дескать, наша географическая, цивилизационная «промежуточность» может и должна быть философским основанием национального развития. По этому поводу неоднократно приходилось высказывать свою точку зрения [3], здесь же отметим, что «промежуточности» явно недостаточно для понимания всей системы базовых национальных идей.

Третий аспект связан с разочарованием в метафизике, и здесь всё сложилось вместе. И кризис господствующей в обществе марксистско-ленинской философии, действительно (при всех её достоинствах) содержащей тормозящие догматические характеристики. И формирование новой парадигмы знания, связанной с движением в процессе мышления и познания от классических схем к схемам неклассическим. И неудовлетворённость бытовавшими методологическими позициями, и непонимание эвристических возможностей тех новаций, которые связаны с феноменологическим знанием, прежде всего, а также достижениями лингвистики, семиотики, герменевтики и иных отраслей знания. Главное же здесь заключается в том, что за последние десятилетия так и не произошёл поворот от новых методологических конструкций, неклассических и постнеклассических по своему характеру к практике исследовательских работ. Т.е. формирование концептуального знания не сопровождалось (или сопровождалось в незначительной, недостаточной степени) развитием прикладных, эмпирических исследований на ос-

нове новых теоретических конструкций. Это касается правовых исследований, исторических, да, собственно, речь идёт обо всём спектре гуманитарных наук. В этих условиях философское знание оказалось в русле абстрактных, по своей сути «отрицательных» формулировок, а вот «позитивного» инструментария гносеологического процесса предложено не было. В целом надо отметить, что недостатки развития отечественного философского знания заключаются, в частности, в том, что «новое слово» связывается, как правило, либо с заимствованием западных теоретических новаций, либо поиском оснований в отечественной истории мысли. Но на самом деле, недостатки заключаются в том, что отсутствуют оригинальные отечественные философские концепции, которые можно было бы поставить в заслугу именно национальным представителям философского знания. Нужны концептуальные идеи, а не «критика» и не поиски того, что существует в очень ограниченном виде и формах.

Но может быть, и нет никакой необходимости в «ностальгии по философии», если под этой ностальгией понимать ясные и недвусмысленные положения (философски ясные и недвусмысленные), имеющие исторические, ментальные основания в жизни любого народа? Может, действительно сегодня речь идёт и может идти исключительно об «освобождении мышления личности», «интерпретационной альтернативности», «множественности истин» и т.д., в рамках которых человек чувствует себя комфортно? А все призывы (пусть в форме ностальгии) к классическим вариантам мышления и познания, не имеют под собой ничего ценного, ни в теоретическом, ни в практическом плане? Представляется, что это не так.

Крупнейший психолог современности Л. Выготский, оценивая труды и методологию В. Дильтея, в частности, его призывы к «вживанию» для понимания тех или иных аспектов развития гуманитарного знания, обронил такую фразу: «Нарисованную корову доить нельзя» [4, с. 427]. Речь шла о том, что «традиционному» учёному с его набором классических эмпирических методов в эвристическом поле «вживания» делать нечего. Он же, рассматривая специфику феноменологического метода, с его поисками «идеальной» сущности писал так: «Гуссерль за исходную точку берёт положение, что в психике разница между явлением и бытием уничтожена: стоит только допустить это, и мы с логической неизбежностью приходим к феноменологии, ибо тогда оказывается, что в психике нет разницы между тем, что кажется, и тем, что есть. То, что кажется, – явление, феномен – и есть истинная сущность. Нам остаётся только констатировать эту сущность, усматривать, различать и систематизировать. Но науке в эмпирическом смысле здесь делать нечего» [4, с. 141]. Это – психология. Если далее обратиться, скажем, к праву, то здесь примеры, в которых крупные учёные очень резко характеризуют возможности современного неклассического правоведения, исчисляются десятками. Вот, И.Ю. Козлихин пишет статью, которая своим двусмысленным названием говорит сама за себя: «О нетрадиционных подходах к праву» [5]. А Ю.И. Гревцов и Е.Б. Хохлов публикуют материал под симптоматическим названием «О юрико-догматических химерах в современном российском правоведении» [6]. Не цитируя критических замечаний, очень острых, по сути, отметим главное. Во-первых, ностальгия по классическим формулировкам – это достаточно мощное направление в современном гуманитарном знании. И во-вторых, речь ведь не идёт о дезавуировании неклассического, в частности, знания. Речь идёт о важности развития (совершенствования) именно классических схем как в сфере эпистемологии, так и мышления в целом. Подчеркнём: не о жёстком возвращении к стандартам классицизма ведётся речь, а о развитии классического знания на современном этапе. Здесь ключевое слово – развитие. Что же касается поисков феноменологической сущности любого анализируемого явления, то это важная и объективно необходимая работа; весь вопрос лишь в том, как же её обнаружить, эту сущность? Например, в праве речь идёт о том, что необходимо не «определять» явления, термины,

а «описывать» их с точки зрения поиска «эйдоса права», «чистой» сущности права, свободной от догматического влияния исторических, психологических, социальных и иных явлений. Спору нет, очень важная и интересная цель. Но «описать» эту сущность, насколько известно, в приемлемых формах до сих пор не удалось.

Но ностальгия по философии – это не только вопросы гносеологии, это и вопросы логики; кроме того здесь чрезвычайно актуальны проблемы социального характера. Если вести разговор о логике, то чрезвычайно важно «не потерять» (в ходе развития неклассического и постнеклассического знания) достижений формальной логики, аристотелевской силлогистики. Основная проблема здесь заключается в том, что место логики в ряде случаев занимает интуиция, а рациональный способ познания очень часто оказывается под вопросом. Так, например, известные Санкт-Петербургские юристы, А.В. Поляков и Е.В. Тимошина в работе «Общая теория права» по этому поводу делают такое замечание: «Феноменологический метод состоит не в построении умозаключений и формулировании понятий, что было свойственно классическому рационализму, а в интуитивном, интеллектуально умозрительном усмотрении, созерцании сущности (эйдоса) явления и описании его смыслообразующей структуры» [7, с. 52]. Правда, комментария относительно механизма «усмотрения эйдоса», сущности интуиции в праве в тексте работы нет. Приведём ещё одну важную цитату из работы этих же авторов: «Все попытки отыскания критерия “правового” исключительно в сфере рационального, чуть ли не математического знания не приведут к успеху просто потому, что природа “правового” не является исключительно рациональной. “Правовое” при таком рационализированном подходе фатальным образом исчезает. Возможно, поэтому рациональные критерии при практической их проверке раскрываются как критерии оценочные, т.е. идеологические, и проблема переходит на тот уровень, когда она уже вообще не является научной проблемой» [7, с. 449–450]. Здесь для нас важен следующий аспект: с одной стороны, сторонники данного теоретического подхода утверждают сугубую «рациональность» умопостроений как методологического, так и практического характера. Со стороны другой, роль «рациональности» фактически сводится на нет в ходе «фатального» исчезновения «правового» из сферы рационального знания.

Рассматривая важность процесса осмысления правовой действительности в форме именно формально-логической, выдающийся русский мыслитель И. Ильин отмечал, что «совсем не случайно люди стали облекать правовые правила поведения в форму логических тезисов и записывать их. Живя совместно, люди обращаются к созданию мысленных правовых тезисов и формул для того, чтобы сохранить, повторить и распространить единожды обретенное “верное” решение спора или конфликта, закрепить найденный верный способ поведения: “пусть будет то же самое во всех одинаковых случаях”» [8, с. 28]. Ведь именно мысль обладает способностью фиксировать, закреплять и сохранять своё содержание, доводя его до максимальной ясности и определённости и сообщая ему внутреннюю непротиворечивость. Только благодаря этому право с успехом может разрешать такие задачи, как сохранение и накопление, уяснение и упрощение правил построения жизни, «дисциплинирование инстинктивных порывов и произвольных посяганий силой разумной тождественности». И.А. Ильин полагал, что право принимает форму «объективного смысла» для того, чтобы внести в общественную жизнь начало разумного, мирного и справедливого порядка. И тот, кто в качестве последовательного субъективиста не усматривает в праве объективного смысла и сводит всё к более или менее неустойчивым субъективным «концепциям» и «толкованиям», тот отрицает эту миссию права и содействует её неудаче.

Но столь же важно и обращение к социальному характеру и соответствующей функции философии. Здесь хотелось бы обратить внимание на следующие важные моменты. Первое: философия (при всей своей абстрактности) достаточно определённо

ставит вопрос о сути целеполагания в обществе и формах, методах достижения общественно значимых целей. Философия может пропагандировать и призывать к созерцательности, а может призывать учиться и учить других, реализуя просветительские идеалы. Философия может нацеливать на изменение мира, с тем чтобы ушли в прошлое те родовые недостатки человечества, которые преследуют его, как заразные болезни. По словам К. Маркса, необходимо не просто объяснять мир, надо его изменить. Философия, далее, вообще может сформулировать такие цели, преследуя которые человек, личность самоустранится от социума, решая исключительно личные задачи. Словом, вариантов много, и кто осмелится сказать, что обществу всё равно, какие цели будут выглядеть приоритетными? Если же мы в этом контексте поставим вопрос о характере философского осмысления белорусской национальной истории, современного этапа развития общества и его ближайших перспективах, то легко убедимся, что работ концептуального характера, которые бы ставили такие задачи и пытались дать варианты их решения, крайне недостаточно. Это одна из целей философского цеха: сформулировать не просто «общечеловеческие» задачи, основанные на практике развития Западной Европы и США, а именно национальную программу развития, первоначально в абстрактном, философском виде. Представляется, что в этом контексте нет необходимости апеллировать к «множественности истин» и оговариваться, что во главе угла должна быть «альтернативность». Базовый принцип должен быть сформулирован ясно и недвусмысленно, а как именно – это может быть предметом специальной дискуссии. Можно апеллировать к категориям, близким подходу, обозначенным П. Сорокиным (идеациональные принципы или законы). Можно ставить цель, связанную с особым цивилизационным контекстом (в рамках теории культурно-исторических типов). Предметом обсуждения может стать сам ход национального развития, причём и в рамках «обратного» метода исследования. Т.е., анализируя то, что мы имеем сегодня, можно попробовать реконструировать ментальную, мировоззренческую, государственно-правовую историю нашего общества вплоть до её истоков.

И второе: желательно не повторять тех ошибок, которые мы делали ранее в рамках формирования задач и целей построения социалистического общества. Ведь здесь налицо парадоксы, не имеющие решений. В частности, партия фактически отрицала право человека на свободную волю – и требовала добровольного самопожертвования. Отрицала способность человека выбирать – и требовала выбора правильных решений. Отрицала, что человек способен отличать правду от лжи, добро от зла – и постоянно твердила про виновность и предательство. Индивидуумом управляли экономические законы, он был одним из винтиков механизма, на который совершенно не мог влиять (так утверждала партийная доктрина), но партия считала, что безликие винтики должны быть активными, творческими и иметь возможность трансформировать управленческий, экономический механизм. В основе этих парадоксов логика, классический тип умствования, но, однако, они не имеют решения, впрочем, как и любые парадоксы.

Ностальгия по философии – это ностальгия по востребованности философии. Ностальгия по мудрости и по мудрецам, которые олицетворяли бы конфуцианское, сократовское, иное понимание жизни. Философия ведь вовсе не находится «за пределами» прагматизма, той жизни, которая часто и несправедливо обозначается только понятием «практика». Здесь нет непроходимой стены в понимании феноменов (абстрактных и конкретных). Да и поди разбери, где начинается одно и заканчивается другое. Сократ ведь был не только «резонёром», но и пехотинцем, Камю не только «абсурдистом», но и военным корреспондентом, Толстой не только создавал новую религию, но и пахал и сеял. Хотя, конечно, мы всегда на первое место у названных, иных великих персонажей ставим мысль, идею.

Сегодня вообще возникает такое чувство, что некоторые философы, и прежде всего философы постмодернистского толка, не столько формируют новое знание, сколько разрушают то, что создано предшественниками. Знание, возможности мышления, познание «расщепляют», анатомируют, углубляют до такой степени, что условное «дно» становится «небом», а кантовского звёздного неба и нравственного закона в этой ситуации обнаружить невозможно в принципе. Противопоставить этой деструкции разного рода можно только одно: развитие классического знания, что вовсе не значит исключительно «марксистского», «позитивистского», «экзистенциального», иного. Философия «неисчерпаема как атом», но это вовсе не означает, что этот атом обязательно должен быть деструктурирован и мы должны выявить его шизоидные составляющие. Профессионально думать – это ведь вовсе не обязательно выворачивать себя наизнанку и демонстрировать собственные «сущности» в качестве предпосылок нового знания. Поиски пресловутых «сущностей» зашли слишком далеко – до степени необходимости защиты философии как системы знания, а не набора откровений, находящихся в пределах исключительно альтернативности мышления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хабермас, Ю. Ах, Европа / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2012. – 160 с.
2. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
3. Лепешко, Б. М. Философия истории: белорусский контекст. Реминисценции / Б. М. Лепешко. – Брест : Альтернатива, 2009. – 168 с.
4. Выготский, Л. С. Собр. соч. : в 6 т. / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1982. – Т. 1 : Вопросы теории и истории психологии. – 488 с.
5. Козлихин, И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву / И. Ю. Козлихин // Правоведение. – 2006. – № 1. – С. 31–40.
6. Гревцов, Ю. И. О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении / Ю. И. Гревцов, Е. Б. Хохлов // Правоведение. – 2006. – № 5. – С. 4–22.
7. Поляков, А. В. Общая теория права / А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 472 с.
8. Ильин, И. А. О сущности правосознания / И. А. Ильин. – М. : Рарогъ, 1993. – 235 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.05.2016

Lepeshko B.M. Nostalgia for the Philosophy

The article raises the question of the possibility of «renaissance» of thinking in relation to the classical forms of philosophical knowledge. Some aspects of the current state of philosophical science in historical, philosophical, epistemological aspects are analyzed. The possibilities of the formation of classical type of philosophizing on the basis of modern humanitarian thought in general are considered.